

Юрий Сысков

Видения Нестордамуса

Юрий Сысков

Видения Нестордамуса

«Автор»

2026

Сысков Ю.

Видения Нестордамуса / Ю. Сысков — «Автор», 2026

Не всё в наших силах, но некоторые вещи мы можем изменить. Например, остановить время. Или стать бессмертными. Как? Ответы на эти вопросы герой романа находит в «Повести временных лет» Нестора, дополненной ранее неизвестными предсказаниями летописца. Логика развития событий, которые зачастую принимают криминальный характер, приводит его к мысли, что преподобный, как и другие святые древней Руси, находится где-то по ту сторону жизни и смерти, и по-прежнему радуется за нас. Изменить можно все. Но не прошлое. И вернуть большую любовь, которая осталась неузнанной, увы, невозможно...

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Видения Нестордамуса

Глава

Видения Нестордамуса

роман

Никогда бы не подумал, что всем хорошо известная еще со школьной скамьи, изученная вдоль и поперек «Повесть временных лет», написанная Нестором в 1111 году (мне эта цифра напоминает частокол, что внушает смутную тревогу) может произвести переворот в литературоведении, дополнить квантовую теорию, стать поводом для уголовного расследования и уж тем более не мог себе представить, что она способна изменить мою жизнь.

В какой-то момент вокруг нее начали происходить странные, если не сказать, страшные, пугающие вещи. Я понял это, когда одни люди, имеющие к ней хотя бы отдаленное отношение, стали проваливаться в никуда, а другие появляться из ниоткуда; давно почившие вдруг оживали, ныне живущие исчезали. Нашлись даже такие, кто настаивал на том, что видел Нестор-летописца собственной персоной в шестидесятые годы прошлого столетия в Великом Новгороде. Там он явился под именем Нестордамуса, а летопись его, дополненная его же видениями, превратилась в «Повесть вневременных лет». В новом изводе она оказалась тем бурным потоком, в котором рушились хронологии, смешивались эпохи, всплывали и тонули лица, исторические свидетельства, вещие сны и пророчества. И все это происходило не где-то далеко, в Киевской Руси двенадцатого века, а здесь и сейчас.

У меня не было объяснения этому факту. Кроме одного: граница между жизнью и смертью достаточно прозрачна и вполне преодолима, время разнонаправленно — прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Или я сошел с ума.

Но до этого открытия, кажется, было, еще далеко.

1

Из рукописи Нестордамуса

Се блаженъи Нестеръ в летописце написа об участии святого града Иерусалима и грядущей судьбе Русской земли на века вперед. Быть тому, если ты, раб Божий, зришь и уразумеешь это.

Итак, ведай!

И послал я одного черноризца Киево-Печерской обители, третьего жребия Богородицы во Вселенной, в полуденные страны, дабы передал он корсуньской братии рукопись «Повести временных лет» с прорицанием о земле обетованной. И были в той повести такие слова «... пусть те из них, которые приняли крещение, получают возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, *да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не уцятятся щиты своими*, и да погибнут они от мечей своих...» После сих словес следовало описание привидевшегося мне сна о сече злой, не случавшейся доселе в святых местах с сотворения мира.

И мнилось мне, будто проснулся я в ином времени и в ином обличии посреди каменистой пустыни, усеянной павшими воинами, над которыми кружили стаи алчущих добычи птиц и рыскали насытившиеся мертвечиной псы. Рядом со мной два падальщика с шипением и пронзительным кликом рвали плоть сраженного рыцаря. Сабля бусурманина срезала ему лицо, обнажив кости черепа.

Ко мне вприпрыжку, боком подскочил черный ворон, ворог мой, предвестник смерти. Склонил голову и зрит. Осмелев, вознамерился он было выклевать мой глаз. Я равнодушно смотрел в его фиолетовый зрак и думал — откуда здесь, в Палестине, где на падаль слетаются только стервятники и всякая пернатая тварь русский ворон? Или мертвые всегда возвра-

щаются на Родину? А в том, что я мертв меня убеждали распростертые на земле, лежащие вповалку изрубленные тела крестоносцев и немногих упокоившихся на поле брани русичей, братьев моих по оружию. Уже и ангелы пели панихиды в успокоение душ тех, коих имена, отечество и вера были им неведомы.

Тут ворон, ворог мой, предвестник смерти куда-то исчез, испугавшись надвинувшейся на него исполинской тени.

— Кто ты, воин? Назови свое имя, — гулко, словно из глубины горного ущелья, проговорила тень.

— Скончайте волю пославшего вас, — ответил я и не услышал себя.

— Он единственный, кто тут жив, — произнесла другая тень. — Прикажешь сохранить ему жизнь, мой господин?

И эхо разнесло по долине, от камня к камню, от убиенного к убиенному — аладин, аладин, аладин...

— Такова воля Аллаха...

Тут свет выкатился из моих очей.

Не знаю, как долго я был в забытии, но спустя время очнулся на какой-то арбе, грохочущей по камням под дрожащими, будто на потревоженной водной глади, южными звездами. Огромная луна посреди этого звездотечения сияющим ореолом обрамляла чалму возницы, отчего казалось, будто предо мной православный святой. Но это был не святой. Это был магометанин. И я был его пленником — чужим в чужом краю, где всяк суший в нем язык бранчив и неблагозвучен.

Чужим было для меня и мое собственное тело, до краев наполненное болью. Но сильнее телесной муки, горче страданий от нанесенных ран, перевязанных какой-то грязной, бурой от крови рваниной, была лютая тоска, теснившая мою грудь.

Душа моя изболелась об Анастасии, оставшейся в богохранимом граде Иерусалиме в ожидании моего возвращения. Не менее того истосковался я о неродившейся еще кровиночке, которую она носила под сердцем. С нее, с любви к моей лебедушке начались мои скитания по белу свету и самое паломничество в Палестину ко гробу Иисусову.

При воспоминании о ней неизреченное блаженство, смешанное с глухой болью, разлилось по моей груди и вся моя жизнь развернулась перед мысленным взором, как берестяной свиток...

Немного лет тому назад довелось мне править службу у князя моего — сначала младшим дружинником, потом десятником, а когда освободилось место старшего дружинника, которое долго оставалось праздно, одарил меня государь своей милостью и сделал сотником, одним из своих думцев. Купил я сие право мечом и верностью принесенным клятвам. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, я не страшился ни хищных ятвягов, диких обитателей Подляшья, ни свирепых литовцев, ретиво оберегал князя на постое и в походах, и в любой схватке был впереди — водил сотню свою, куда велела княжья воля, никогда не обращал хребта ее к неприятелю и слава моя была славой государя моего.

Но настали иные времена. Прежде сильный плотью и духом богатырь, храбровавший в числе лучших витязей, стал князь ненасытен в пирах и любострастии, охоч до девиц и жен без разбору. Явил он себя как женолюбивый Соломон, настоящий *maximus furnicator* — величайший прелюбодей, перебрав полдвора своего. Всех, кто приглянулся ему приводил он к себе на растление, невзирая на лица, заслуги и звания отцов и мужей их, попирая все христианские законы и людские обычаи. Но сим не кончились его беззаконные женитьбы. Дошел черед и до моей суженой. Задумал он было покрыть бесчестьем молодую жену мою Анастасию, красавицу, какую поискать, денницу и луну спасения моего.

А надо сказать, что в те поры был у нас медовый месяц — и миловались мы вволю, и чуть ли не каждый божий день ходили в мыльню, *и ели кашу на постеле*, пили квас да пьяную бере-

зовицу. Как же была она хороша, как любя мне! Лицо у моей Настеньки светлое, брови союзные, глаза красоты несказанной, взглянет – душа к небесам воспарит, а когда блистали в них слезы умиления или жалости и вовсе неумоготу было, все во мне обрывалось и сладко ныло. Понятно, детьми мы еще не успели обзавестись, но по взаимному согласию питали надежду нарожать кучу ребятишек, ибо не ветвится дерево без корней и не шумит дубрава вокруг одиноко стоящего дуба. Словом, любил я ее крепко, с ясным пониманием, что только смерть разлучит нас, однако власти над собою не давал, а поступал так, как должно поступать главе семьи — где с мужней строгостью, где с потаканием, уступчивой лаской и нежностью.

Видя наше счастье, задумал князь худое – подговорил своего верного холопа оклеветать меня. По его навету я был обвинен в чародействе, поклонении деревьям, в особенности же дупловатым, и в умысле извести своего государя. А к этому добавил князюшка и вовсе несусветное, мол, через жену свою прельщаем я бесовскими волхованиями, ибо искони бес женщину соблазнил, она же следом мужа своего.

Недолго думая, поклепал меня князь по речам своего раба и, вместо того, чтобы возложить на меня умеренную опалу, вознамерился предать на смертную муку. По его велению я был бессрочно посажен в клеть и закрыт на засов. Посему обоюдное наше доброе расположение рассеялось, дела запутались и воспрянула меж нами лютая ненависть.

День и вечер просидел я взаперти, томясь и мечтая лишь о том, чтобы выйти из заточения и разведаться с князем мечом. Тут пришли верные мои, связали охрану и, вельми кручинясь, молвили, что случилось недоброе — явился князь в дом ко мне, чтобы снасильничать, зная, что не в моей власти тотчас заступиться за Анастасию. Тошно было мне даже представить себе гнусные восторги его сластолюбия мерзостного, лобзания и плотские утехы княжеские, предстоящие моей возлюбленной. И упросил я друзей своих выпустить меня из-под засова. Аки вепрь ворвался я в палаты и увидел жену свою, распростертую на полу, заплаканную, с распущенными волосами и князя над ней в исподнем. Овернулся он и, не удосужившись прикрыть свой срам, рек: воды принеси, супруга твоя, Анастасия, меня обмоет да приласкает, коли будет на то моя воля.

Тут в глазах у меня почернело, как в грозу. Только мысль, точно молонья мелькнула: быть сегодня грому на Каяле! Схватил я первое, что под руку попало – братину, бадью или скамью, не помню, будто саваном меня накрыло — и раскроил князю голову. Тот и упал без чувств.

Но недолго млел князюшка, ибо крепок был – тотчас пришел в себя и был таков. Тут же донесли мне, будто свирепея час от часу в своих палатах, распаляясь все боле и боле, грозно топя сапожищами, придумал он для меня кару смертную. Велика была скорость его к обиде и скорость к мести. А я и рад был тому, поелику об Анастасии он прочно забыл, а если бы и вспомнил – постоял бы я за нее в доме своем, где и стены, говорят, помогают.

И вот велел князь слугам своим обшить меня в медвежью шкуру и затравить псами, чтобы затем полуживого засадить в короб и бросить в воду на верную погибель. Но ослушались они и, изрыгая хулы на князя своего, под страхом смерти пошли на подмену, подвергнув предназначенной мне участи лихого человека, убийца огнещанина, пойманного ономнясь на месте его темного деяния.

Не теряя драгоценного времени, в надежде, что вера возмощает и надежда не посрамит, подались мы в бег – с Анастасией и десятком дружинников, не пожелавших остаться при дворе изверга, поправшего княжескую честь.

И летели мы с ней навстречу неизведанному счастью легко и быстро, как златоперсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица, в сопровождении лучших витязей моей сотни. И погоня, за нами посланная и показавшая нерадение при поимке, не остановила нас, а пополнила наши ряды, ибо то были мои же воины.

Прошли мы Великую Скуфь, страну курганов и могил, припонтийские области, известные толпами своих кудесников и гадателей, морем достигли Царьграда, где увидели чудо чуд-

ное — цепь, *протяженную отъ Галаты до Лахерньския церкви*, и стогны великие, и храмы великолепные. И там добровольно вошли в службу царьградскому кесарю, как то и в старину делалось невозбранно.

Но пробыл я у него недолго — занятые важным намерением ратоборствовать в Палестине в защиту Гроба Господня я и малая дружина со мной, получив благословение кесаря, отправились в путь трудный и неблизкий, чтобы искать опасностей и славы под знаменами крестового воинства. Потеряли мы счет пройденным верстам, однако, усердно молясь и непрестанно напоая ум свой божественными писаниями, я и жена моя, сопровождаемые верною дружиной, преодолели все препоны и без малого через месяц достигли вожделенной цели — Иерусалима с его и христианскими святынями.

Но постигло меня горькое разочарование — увидел я не древний и вечно юный, велением Божиим созданный град, знамение победы и торжества Благой вести в пределах зловерия, а настоящее осиное гнездо, сборище искателей богатств, легкой наживы и приключений, рядящихся под воинов креста, кои из любви к мнимой чести не боялись бесчестия истинного. Не было в становище крестоносной братии единства во мнениях, а тем паче в делах. Приняв веру Спасителю, далеко не все они вышли из купели усердными христианами, каждый толковал о своем, считал себя единственно правым и не наблюдал правило верности в союзах.

Открылось мне, что крестоносцы не знают жалости и сострадания, ибо насаждают веру огнем и мечом, нападают на караваны, грабят полудикие соседственные народы, в особенности богатые золотом, драгоценными камнями и мягкой рухлядью, разоряют их селения, не щадя ни женщин, ни стариков, ни безгрешных младенцев, и за мзду получают отпущение грехов. Вот и получается: у россов крестный ход, у латинян крестовый поход. У нас молитва о мире, у них проповедь войны.

Но дали мы клятву, утвержденную печатями и рукоприкладством, что будем верно служить царю иерусалимскому и останемся верны слову своему, покуда не истечет срок сей хартии или смерть не заберет нас. С того дня стали мы мечом своим, истинным марсовым оралом, возделывать землю палестинскую, непрестанно помышляя при этом о своей далекой отчизне и возможных средствах возвратиться с безопасностью в ее недра.

И не ведал никто, долго ли судьба намерена метать меня и братьев моих на рогах злосчастия, только не страшился я своего будущего и терпеливо сносил все тяготы, живя по закону милости и правды, утешаясь любовью и заботой моего земного ангела — Анастасии. В редкие досужие часы мы вместе учились языку и письму чужестранному, навывали обычаям фряжским, читали мудреные книги и ходили в храмы, раздавая милостыню, ибо сказано: *дая нищему, Богу в заим даете*. И не было для меня большей улады, чем ласкаться с моей нареченной, глядеть в синие озера ее глаз, слушать тихие ее глаголы, журчащие, будто реченка, оберегать ее драгоценный покой. А когда был я в дальнем походе по приказу царя иерусалимского, то у самого моего сердца всегда хранился ее живописный образ, выполненный на кипарисовой доске искусным мастером иконописи. И Бог хранил меня от смерти, болезней и тяжких ран, когда я первый между своими дружинниками, добрыми молодцами, бился в челе их.

Так продолжалось не один год, пока главный крестоносец в усыплении хора льстецов не вознамерился окружить себя знаками побед и славы, стать властителем народов многочисленных, повелителем войска непобедимого. В слепой надежде на помощь Божью решил он вывести рать свою в пустыню, где бусурманин дышит свободно и пылает мужеством, чтобы нанести ему смертельный удар в самом сердце его владений. И оповещенный об этом народ уже торжественно молился о счастливом успехе христианского оружия против язычников — *contra paganos*, не помышляя даже о том, что предводитель их, коим владела гордыня в счастии и малодушие в бедствиях, обрекает тем самым воинов креста на полное истребление.

В ночь перед роковым походом все улицы и площади в Иерусалиме заперлись пехотой и конницей. Казалось, нет силы на земле, способной сокрушить эту твердыню. Но я понимал, что

все эти закованные в латы, обвешанные кольчугами люди в железных шлемах, вооруженные тяжелыми мечами и копьями, обессилят от жары и жажды, когда вступят в пределы мусульманских песков. Их спасением был Иерусалим, у его стен надо было встречать магометан.

Но что я мог сделать, чтобы предотвратить это безумие? Единственный случай изменить предначертанное представился мне, когда стоял я на часах и мимо меня под надежной охраной проходил в свою опочивальню царь иерусалимский. Едва он поравнялся со мной как я осмелился обратиться к нему:

— Не вели казнить, вели миловать, мой государь! Не начинай подвига выше меры: если не осилишь — только укоризну себе примешь. Не ходи в пустыню...

— Чего хочет этот варвар? — спросил главный крестоносец, чуть опешив.

— Он пытается убедить нас, чтобы мы не выступали из Иерусалима с намерением сразиться с неверными в открытом поле, — перетолмачил сказанное кто-то из сопровождавших его.

Царь иерусалимский поначалу рассвирепел, слыша такие речи, потом вдруг успокоился и не дерзнул обнажить меча, дабы снести мне голову.

— Пойдешь со своим отрядом во главе войска, — только и сказал он.

Рассвет я встретил, уповая лишь на то, что предводитель крестоносцев отменит свое пагубное решение. Но ошибся — его намерение было непоколебимо. На военном совете, собравшемся утром, больше думали-рядили не о том, как лучше разведать о делах бусурманских и не замедлить в управе, а когда и в каком порядке построиться. Не имел царь иерусалимский ни духа ратного, ни прозорливости в советах и выборе наперсников. Посему окончательно постановили только одно — выступать с первыми лучами солнца. Словом, понадеялись на помощь Господа и оплошали.

О, велика бяше беда въ часъ тый!

И вот все крестоносное войско вышло из Иерусалима, вытянувшись на много верст подобно древнему змию в сверкающей чешуе. К вечеру раздался вдали прыск и ржание табунов. Следом бусурманин внезапным ударом изумил воинов христовых, смял конницу и замешал пехоту. Крестоносцы дали тыл. И повсюду была латинянам засада и немногие из них ускакали на борзых конях — большая часть их легла на месте, другие, гонимые раздраженным победителем, сгинули в песках; иные попытались спастись бегством, вернувшись в Иерусалим, но были поражены или взяты в полон и в их числе — главный крестоносец со свитой своей. Мечтавший, чтобы сама смерть его казалась потомству чудесною, испил царь иерусалимский чашу позора до самого дна. И по недомыслию его изгибли славнейшие, и где подвизались они, там и положены были в кровавых одеждах.

И втоптал бусурманин жалкие остатки крестоносного войска в город, наполненный людьми, но скудный запасами. Так пал ветхий орден хранителей святой земли. Погибли и дружинники мои, многие в цветущей младости своей, сгинули на чужбине, не оставив и самой памяти своих счастливых дел воинских, верности в обетах и любви к отечественной славе, их же нет ныне ни племени, ни потомства.

Узнал я об этом, когда вдругорядь предстал предо мной черный ворон, ворог мой, вестник смерти. Знамо, ворон тот был вещий. И возвестил он мне о падении Божьего града, погибшего под пятой неверных. И поведал о судьбе супруги моей, сказав так: имев мужа верного, дружинника храброго, с силой в руке и доблестью в сердце, она, узнав о гибели оногo, не снесла выпавшего ей жребия — бросилась с крепостной стены с ребенком во чреве и отдала Богу душу, после чего была раздета бродягами и брошена среди иерусалимских камней нагая на съедение диким псам.

С того дня стало называться то место убоем.

И не мог я даже вообразить себе, как, нося уже смерть в груди своей, истерзанной рыданиями, поднималась моя Анастасия на предназначенную ей Голгофу, как падала в разверзстую

перед ней пропасть, как терзали звериные клыки ее нежную плоть. И хотелось мне быть волком и в исступлении биться о землю при одной мысли об ужасной кончине ее. И понимал я в душе своей, что это мой последний предел и ничто уже не способно меня утешить, спасти от отчаяния, и время, будь оно хоть мафусаиловым веком не властно залечить эту последнюю из нанесенных мне ран.

Но что мне время – ему ли принадлежу? О том ли ныне *тужу и скорблю и плачуся*? Бездомок от юности, изнузив жизненные силы в потугах наемника, при дверях гроба не знал я, где найду свою могилу. Зачем мне жить и что теперь моя жизнь без Анастасии даже если случится чудо и я выживу? И где это видано, чтобы человек бедовал с зияющим проломом вместо сердца?

И вот уже ворон черный взмахнул крылом и обратился в знакомую мне прежде тень исполинскую, посланную мне с вестию о вечности. А смерти все не было, подзадержалась она в дороге, собирая обильную жатву свою.

И спросила тень:

— Будешь служить мне, приняв веру нашу? Пожалую тебя щедро, свыше чаяния.

Долго молчал я, тяготясь наплывающими думами и спрашивая себя, к чему это последнее испытание, этот нелепый вопрос — могу ли состоять я нескудным гридником в дружине неверного? Если хочет бес причинить какое-нибудь зло своим кознодейством, отлучивши меня от Бога и святого места, то вот ему оказия. Но не войдут со святыми в будущий век живущие в вере латинской или иной какой. Мне ли, потеряв самое дорогое, что есть у меня, убояться серпа магометанского, срубившего цвет европейского рыцарства, горделивого и самонадеянного? Мне ли не трепетать при виде серпа небесного, виденного пророком Захариею, да снидет он на главу сынов ослушных!

И тогда явился предо мной *како столпъ огненъ отъ земля и до небеси Блаженъи князь Володимиръ, внукъ Олжигъ, которыйи крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести от конца до конца. И рече мне: буди же со мною заодногъ.*

И ответил вопрошавшей тени, безмолвно стоявшей рядом:

— Клятву не преступлю и веру свою не предаю. Есть Бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера злодеяний твоих.

Тем и кончил свой земной путь, пронзенный магометанской саблей. И увидел я тотчас гору Афонскую, с которой воспаряли в небесный Иерусалим братья мои, и ангела моего Анастасию, восседающую среди херувимов на облаке, да будет всем им милость получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава и держава с Отцом.

Сие открылось по воле Господа нашего в год 6682 (1174) декабря 13 дня. И да исполнится по прочтении.

Если день начинается с телефонного звонка из приемной – жди неприятностей. Нет, даже не так: считай, что ты уже дождался их.

Я поднял трубку.

— Бегом к министру, — раздался примораживающий голос секретарши Леночки. В свое время она так удачно отстажировалась в нашем ведомстве, что сразу после окончания журфака получила распределение в минкульт. Да... Всех сотрудников она называла чиновниками, очевидно, никак не ассоциируя себя с этой категорией человеческих ничтожеств, мужчин, попадавших в поле ее зрения, откровенно презирала. Впрочем, женщин она презирала тоже. К начальству относилась снисходительно.

Я со времен срочной службы в армии не люблю, когда мне говорят «бегом». И откровенно недолюбливаю слово «министр». Могла бы сказать и проще – Лазарь. Так мы называли нашего начальника, Сергея Петровича Лазарева, с недавних пор занимавшего министерский пост.

— Один? – на всякий случай спросил я, заглядывая в приемную.

Ничто не дронуло в лице Леночки, когда она, не поднимая глаз от экрана монитора, с прохладцей ответила мне:

— У него посетитель.

«Так какого черта!» – хотел сказать я, но удержался. Бесполезно. Если блоковская Незнакомка являлась пред очи поэта, дыша духами и туманами, то наша Леночка, по всей вероятности, родилась в морозильной камере и ее атмосферой был фреон – газ без цвета и запаха.

Пришлось коротать время в приемной, поочередно глядя то на часы, то на календарь, то на Леночку. Часы шли скорее назад, чем вперед, календарь, запечатлевший крепкое рукопожатие президента и губернатора, внушал социальный оптимизм и уверенность в завтрашнем дне, Леночка излучала мраморный холод и полное отсутствие интереса ко мне. Красивая. С безупречной фигурой. И ко всему равнодушная, до краев наполненная карьерными и, как легко было предположить, матримониальными планами. За глаза ее называли у нас Снежной Королевой.

К традициям и ритуалам минкульта Леночка относилась пренебрежительно. Я как старожил ведомства, переживший трех министров, такого рода афронты не одобрял. Для меня это был очевидный и очень существенный минус.

Во-первых, она чуралась нецензурной лексики. Чистоплюйство в чистом виде. Столько мата, хорошего и разного, я не слышал ни в мотострелцком полчку, где проходил срочку, ни в братских министерствах и подведомственных им организациях. Этот пласт национальной культуры мы не только активно использовали, но и творчески развивали.

Во-вторых, Леночка совсем не интересовалась генеалогическим древом нашего ведомства. А стоило. В новейшей истории минкульта было много поучительного и назидательного. Долгие годы им руководила бой-баба, до этого возглавлявшая горводоканал. Она научилась распределять финансовые потоки так же профессионально, как и струи воды, смешивая их в правильной пропорции и не путая горячую с холодной. Чтобы не замерзнуть и не обжечься. Именно с ее стилем руководства был связан ритуал проникновения в приемную, которого я строго придерживался.

Входя, посетитель на всякий случай спрашивал:

— У себя?

Получив утвердительный ответ, он, как разведчик в тылу врага продолжал выведывать:

— Не в себе?

Или:

— Вне себя?

Что, согласитесь, не одно и то же. Последний вариант был сопряжен с летающими шариковыми ручками, пепельницами и органайзерами. И только после этого, в зависимости от срочности, важности или неотложности дела ходок принимал окончательное решение – входить или не входить. Потому что от этого зависело, иметь или не иметь.

Но всему приходит конец. Бой-бабу сменил рафинированный интеллигент из Питера, который продержался в министерском кресле не больше полугода. Потом в кабинет въехала девочка из Москвы с редкой фамилией Мордуляш, креатура директора Третьяковской галереи. С тех пор в недрах министерства стала гулять фраза – полный Мордуляш! Это могло означать все что угодно – пожар, наводнение, отсутствие финансирования, бардак, глобализацию, половую распущенность, вандализм и тому подобные природные и общественные катаклизмы. Вскоре Мордуляш уехала на ПМЖ в Израиль. И только после этого Лазарь был назначен министром культуры.

И, наконец, в-третьих, что касается Леночки. Она не прошла тест на профпригодность. А он был прост.

— Как называется женщина, танцующая в балете?

— Балерина.

— А мужчина?
— Балерун!
— Вы нам не подходите.
— Почему?
— Артист балета!

Вот почему. Балерун...

Но Леночку не отбраковали. По-видимому, она была креатурой кого-то из Лувра или Прадо.

Наконец, из начальственного кабинета вышел посетитель, в котором я узнал художественного руководителя ансамбля народных инструментов. На его плоском простонародном лице блуждала широкая балалаечная улыбка.

Я вошел к Лазарю и поздоровался. Мы были с ним на ты. Давно. С тех самых пор, когда почти одновременно пришли в министерство и заняли примерно равнозначные должности — он после физтеха, я после филфака. Потом его карьера резко пошла в гору, а моя застопорилась. Пройдя несколько промежуточных ступеней госслужбы, он стал большим начальником, а я остался рядовым клерком. Наверное, тут сыграл злую шутку мой главный талант — умение быть незаметным. И для капризов фортуны, и для ударов судьбы. Я часто спрашивал себя: почему? Почему так сложилось, что я застрял на одной ступеньке служебной лестницы? Я почти не пью, практически не курю, не заливаю соседей снизу, перехожу дорогу на зеленый сигнал светофора, соблюдаю правила правописания «жи — ши»... Почему меня не повышают в должности и не увеличивают мою зарплату?

Конечно, в моем служебном положении можно было найти и светлые стороны. Проработав прессеком — пресс-секретарем министерства культуры — немало лет, я, по мнению окружающих, заметно окультурился. Впитал в себя, как это ни странно, немало той самой культуры, которой «есть у нас». Передо мной были открыты двери всех театров, концертных залов, музеев и библиотек. Правда, местная театральная жизнь меня не особенно прельщала. Провинциальный русский актер выкладывается так, что даже «кушать подано» играет на разрыв аорты. А все чрезмерное отталкивает. В остальном я мог приобщаться к высотам человеческого духа свободно и избирательно, причем как в рабочее время, так и во всякое другое. Понятно, что в какой-то момент должно было наступить пресыщение. Это как в модельном бизнесе: когда каждый день имеешь дело с неземной красотой — становишься извращенцем. Или, устав от вкусной и здоровой пищи, начинаешь жрать заплесневелый сыр. И когда наступал очередной вечер, где меня ожидало общение с прекрасным — знакомство, к примеру, с редким симбиозом Чабби Чекара и Фроси Бурлаковой, ранее утерянным полотном Паоло Фердыщенко «Понтекорво в Монте-Карло» или портретом Неизвестного в доспехах кисти неизвестного художника (время создания картины также не известно) на меня накатывала тоска.

Лазарь всей этой роскошью заведовал. И заведовал, на мой взгляд, весьма успешно. Человек на своем месте. Я бы так сказал.

Как-то я поздравил его с Днем работника культуры. «Ты один из нас, который один из них», — сказал я, намекая на его почетное звание Заслуженного работника культуры Российской Федерации. Сокращенно — засрак. Он не чужд самоиронии и не обижается, когда ко всем его регалиям прибавляют еще и эту. Сокращенно. Я не отстаю. Поэтому если кто-то интересуется, чем я занимаюсь в этой жизни, отвечаю: работаю в минкульте прессеком при засраке. Сведущие люди сразу понимают, о чем речь.

Внешне Лазарь похож на знаменитого политического обозревателя поздней советской эпохи Леонида Зорина, что в сочетании с его пристрастием к жилеткам и поразительным умением отплясывать еврейский танец «семь-сорок» заставляет задуматься о его онтологических корнях. Но в нашем ведомстве, которое всегда ратовало за этнокультурное многообразие и гармонизацию межнациональных отношений, это только приветствовалось. Да, все у нас

было чинно, благообразно, государствообразующе. Но изредка в державные оды нашего министерства вплетался шаловливый еврейский мотивчик, словно настроившись на радиостанцию «Маяк» мы вдруг уплывали куда-то в сторону, на радио Эль-Хай. И тут же, отведав мацы и суетливо обменяв рубли на шекели, возвращались обратно. И оттого мне иногда казалось, что вся наша так называемая культурная парадигма, если вникнуть в нее поглубже, иудео-христианская.

В общем, министр культуры был похож на министра культуры. То есть даже внешне соответствовал занимаемой должности. Аристократически, впрочем, чуть заметно, картавил, говоря «в» вместо «р» и «л». Поэтому, фраза из старого анекдота «дедушка, пойдем красить лодочку» в его исполнении звучала гораздо призывнее. Он являл собой живой пример того, как русский иногда может в точности принимать облик еврея, а еврей набираться русскости. Или просто набираться, становясь по сути русским.

— Дядя Ваня, — сказал он, обращаясь ко мне, — у меня к тебе большая просьба. Надо посмотреть эту рукопись. Дать, так сказать, профессиональную оценку. Мне важно знать твое мнение.

Он придвинул на край стола стопку машинописных листов, скрепленных тевтонским зажимом Berlingo. На титульном листе крупным шрифтом было напечатано: «Повесть вневременных лет, или Видения Нестордамуса».

— Что это? — спросил я.

— Я и сам хотел бы понять. Но по-моему, в этом что-то есть...

— Хорошо, полистаю перед сном.

— Перед сном не советую — можешь не уснуть, — рассмеялся он.

Лазарь принадлежал к той породе людей, которые при каждом удобном случае любят негромко и мелодично, как горсть звонких монет, пересыпать свой смех. И мне это в нем нравилось. Покажи, как и над чем ты смеешься — и я скажу, кто ты.

В приемной возле столика секретарши привычно толкался Колдырь — проспиртованный мозг нашего министерства. Свое прозвище он, само собой, получил за пристрастие к пьянству. Проблем с алкоголем у него, разумеется, не было — его тренированный организм принимал любое количество спиртного как в пределах, так и далеко за пределами шкалы элитарности. Справедливости ради следует сказать, что Колдырь никогда не опускался до паленки и незамерзайки, о чем при всяком удобном случае напоминал Леночке.

Всем было известно, что он по уши в нее влюблен. Без всякой надежды на взаимность. Было бы понятно, если бы он был принцем, который притворяется нищим. Но в жизни все не так. И он был этим самым не так. Не так в квадрате, потому что даже теоретически не мог выбиться в принцы. И для предмета его воздыханий это было совершенно очевидно.

Правда, чем он мог заинтересовать Снежную Королеву? Своим полуразрушенным организмом и расстроеными финансами? Рыхлый, изрядно потасканный мужчина с одутловатым лицом, напоминающим застывшую монтажную пену. Немолодой, с огромным флюсом прошлого. Разведен.

Вероятно, Колдырь делал ставку на свой интеллект, обломки которого в нем еще присутствовали. Любовь зла, она не взвешивает шансы, а идет на поводу у желания. В крайнем случае, волочится за мечтой до тех пор, пока не умрет или не превратится в воспоминание.

Как и многие целеустремленно пьющие люди он обладал изрядным красноречием и в меру циничным взглядом на вещи, что в сочетании с размытой синевою выпевших глаз, в глубине которых была сокрыта экклезиастова печаль, и челом, хранящим на себе сократову печать, иногда привлекает неискушенных девочек. Это может вызвать у них жалость, а жалость — опасное чувство. Оно порой толкает на безрассудные поступки. И даже может довести до загса.

Но Леночка...

В данный момент она делала вид, что ее совершенно не интересуют стихи, которые он ей вдохновенно читал. Думаю, она не притворялась – ей действительно было все равно.

Напрасно призраки толпой
Летят в наш лагерь боевой...

Мы остановим их полет:

Прочь, Термагант! Прочь, Астарот!

– шумел Колдырь.

— Кто это? Шекспир? Торквато Тассо? – спросил я, делая заинтересованный вид. Кто-то ведь должен был оценить красоту слога и рвение исполнителя.

— Уортон. Я нашел этот стих у Вальтера Скотта. В одном из его рыцарских романов.

— Вот уж действительно скот, — пробурчала Леночка, недвусмысленно давая понять этой игрой слов, что ей мешают работать.

— Читал? – спросил я Колдыря, показывая ему рукопись. Мне не хотелось, чтобы он расслышал последнюю фразу, брошенную Снежной Королевой.

— Более того, писал! — с воодушевлением отозвался он. — Все, что касается вопросов этернализма и парадоксов времени – мое.

Он победоносно взглянул на Леночку.

— Ни фиги себе, — вполне искренне удивился я, но не стал уточнять, что это за зверь такой — этернализм.

Не знаю почему, но я симпатизировал Колдырю. Он был технарем старой формации. Хорошо образован, беспорядочно начитан и, самое главное, романтики полные штаны, что в юности выглядит мило, а в зрелые годы, увы, глупо. Но что особенно умиляло, Колдырь находился в перманентном поиске той единственной, которой на привале у костра он нашепчет сакральное: «Милая моя, солнышко лесное». И поведет не в каменные палаты, а в брезентовую палатку под бескрайним небом Карелии или Западной Сибири. Мне хотелось, чтобы однажды так и случилось.

Весь день я провел за изучением рукописи и чтобы не отрываться чтения ходил с ней даже министерскую столовую. К вечеру мне стало окончательно ясно, что я потратил время зря. Невероятным казалось даже не ее содержание – самое большее, на что претендовал изложенный в ней околонуточный бред можно было с большой натяжкой назвать альтернативной историей, а то, что на подобную абракадабру клюнул Лазарь. Зачем это ему? Вот уж не ожидал.

Тем не менее, я решил обосновать свое мнение, покопавшись в источниках – летописи Нестора и трудах наших знаменитых историков и литературоведов. На это мне пришлось убить весь день.

Я обратился к таким академическим светилам, как Лихачев и Шахматов, потревожил исполинские, пролегающие через целые столетия тени Карамзина, Соловьева и Ключевского, но никаких подтверждений тому, что было изложено в рукописи не нашел.

Ее авторы (их было трое — кандидат исторических наук Н.А.Кузнецов, кандидат биологических наук С.Н.Басов и просто А.И.Протасов, он же Колдырь) претендовали, по меньшей мере, на эпохальное открытие в области древнерусской литературы. Они утверждали, что ими найден протограф, то есть первоначальный вариант «Повести временных лет», считавшийся утраченным. До сих пор нам были известны лишь доработанные ее версии: вторая редакция, созданная игуменом Сильвестром в киевском Выдубицком Михайловском монастыре, дошла до нас в составе Лаврентьевской летописи, а третья, написанная неизвестным книжником по поручению сына Владимира Мономаха, новгородского князя, в составе Ипатьевской летописи.

Удивительно было даже не это – мало ли дутых сенсаций и разоблачений мы видели на своем веку и сколько их еще увидим. Колдырь и иже с ним на полном серьезе утверждали, что недостающей частью «Повести временных лет» являются видения и пророчества

летописца, которые он не включил в основной текст, а записал отдельно и разослал вместе с братьями-монахами по церквям и монастырям. Отсюда это странное имя – Нестордамус, производное от Нестора и Нострадамуса. При этом преподобный точно указал места в своей летописи, с которыми эти пророчества так или иначе связаны. По всему выходило, что приведенные отрывки послужили причиной и неким прологом для его вещих снов. В общем, много бо о сем наплутано, как говаривал самодержец наш Пётр I.

Казалось бы, чего еще?

Однако, как показали последующие события я поторопился с выводами. Сильно поторопился. Все оказалось не так просто...

С работы в тот день я ушел предпоследним – последней была уборщица, которая ушла бы раньше, если бы не я. Чувствуя свою вину, я особенно сердечно попрощался с ней и спустился к парковке.

Моя слегка припорошенная снежком «деушка» – пузатый корейский автомобильчик Daewoo Matiz узбекской сборки, — уже ждала меня. Иногда она, как и положено девушке с характером, ведет себя как настоящий деурожец — отказывается ехать в горку и протестует изо всех сил, когда я пытаюсь впихнуть в нее свои горные лыжи. Зато, как говорят в народе, пять минут позора – и ты на работе. Или на горнолыжке. А в часы пик какая разница, на чем ты едешь, если рожденный ползать летать не может? Лендкрузеры, инфинити и мерседесы плетутся за мной с такой же черепашьей скоростью.

Дома меня ждал одинокий холостяцкий вечер в пустой квартире – новости по каналу «Культура», пицца в холодильнике, поросшая трехдневной щетиной инея, и банка чешского пива, намекающего, что испив его, я как тот братец-Иванушка непременно стану козленочком. Как я дошел до жизни такой? Конечно, не сразу. Путь мой был долог и тернист.

Как-то так получилось, что со своей будущей, а теперь уже бывшей женой я познакомился в театре. Наши кресла стояли рядом. Во время спектакля мы обменялись парой фраз, в антракте по косточкам разобрали пьесу, после чего, обнаружив много общего во взглядах, вкусах и пристрастиях, договорились вместе встретить Новый год. Два абсолютно свободных в своих решениях и выборе сексуального партнера человека.

Как-то так получилось, что после Нового года она забеременела и поставила меня перед выбором – ребенок или аборт. Я выбрал ребенка. А когда родилась девочка я вновь оказался перед выбором – алименты или брак. Я выбрал брак.

Как-то так получилось, что наша совместная жизнь не задалась. Она изменила мне, я изменил ей (не могу сказать с точно, кто сделал это первым), после чего в очередной раз был поставлен перед выбором – семья или развод. Я выбрал развод. Все у нас получалось как-то само собой, практически без моего личного участия, но под мою ответственность.

Любил ли я ее? Скорее да, чем нет. А она? Не знаю. Но нисколько не сомневаюсь, что больше всего на свете ей нравилось «это дело». И свою измену она объясняла просто: «Ты был очень занят, а у меня долго не было секса». Вот и все. Ей просто захотелось потрахаться. Разве можно за это ругать? Теперь она трахается с кем хочет, когда хочет и сколько хочет. Как при коммунизме – от каждого по способностям, каждому по потребностям. А ребенок живет у бабушки. И мне позволено с ним изредка видеться.

А все почему? Потому что наши кресла стояли рядом. Другой причинно-следственной связи я не вижу. В общем, как говорят французы, лямур пердю. Даже если она и была. Но вот в чем парадокс: любовь – продукт быстропортящийся, а дети – долгоиграющий. Они — на всю оставшуюся жизнь. И от этого обстоятельства никуда не деться.

Интересно видеть, как растет твой ребенок, когда встречаешься с ним примерно раз в год, в день его рождения. Сначала это крохотный комочек, потом комочек побольше, — и вот перед тобой маленький человечек, который говорит, смеется, плачет и задает трудные вопросы. Например:

— Мама, а кто этот дядя?

Дело в том, что моя бывшая жена снова вышла замуж и не хотела, чтобы ребенок знал, кто ее родной отец. Ведь отец тот, кто воспитывает, а не тот, кто родил Еноха, который родил Ирада, который родил Мехиаеля, который родил Мафусала и так далее. Поэтому для дочки я был дядя Ваня. Как и для Лазаря, но без чеховских реминисценций рефлекслирующего сознания.

Я разогрел пиццу, которая по твердости и вкусу напоминала подошву туристического ботинка, с треском открыл пиво и уселся на диван. Поприветствовал зайца, который сидел в кресле напротив. Я купил его к очередной «днюхе» дочери. До него было еще десять месяцев. Просто когда я принес ей бурого медвежонка она до слез огорчилась и сказала: «Мне нужен зайц!»

Ну, зайц так зайц.

Нельзя сказать, что я вел жизнь затворника. Отнюдь. Но встречаться предпочитал на территории принимающей стороны. Помимо «деушки» у меня была самая настоящая девушка. Опять-таки, «как-то так получилось».

Мы довольно часто виделись с ней в «коридорах власти». Случайно. Она работала в министерстве финансов, всегда здоровалась со мной первой и при этом мило и как-то очень доверчиво улыбалась. Наверное, видела во мне что-то хорошее, чего не видел я. Видела того, кем я не являюсь. И мне почему-то не хотелось ее разочаровывать. Поэтому довольно долгое время у меня не возникало желания познакомиться с ней поближе. Я был уверен, что видя мое полное равнодушие и безынициативность, она через некоторое время перестанет обращать на меня внимание, сделается холодна и неприступна, как любая отвергнутая женщина. Пусть даже деликатно отвергнутая. Но вот диво — она продолжала ласкать меня своим нежным взором и выделять из толпы десятков пробегающих мимо нее чиновников и посетителей высоких кабинетов. Я заинтересовался, сделал шаг навстречу и вскоре оказался в ее постели. Это была самая уютная из всех известных мне женщин, созданная исключительно для дома, для семьи. Она прекрасно готовила, трогательно заботилась о мужчине, который рядом и добросовестно, однако без лишнего энтузиазма предавалась интиму. Меня это устраивало, хотя временами во мне просыпалась совесть и я всерьез задумывался, не жениться ли на ней. Но мне казалось, что ее толстые лодыжки, какая-то патологическая, дышащая парным молоком коровья доброта и дородное крестьянское тело, самой природой предназначенное для рождения детей, не смогут удержать меня от измен и я сделаю ее несчастной. Порвать с ней я тоже не решался. Короче, тупиковая ситуация.

Мой печальный опыт семейной жизни подсказывал мне, что человек, задолбанный на работе и в семье, находится по ту сторону добра и зла. Поэтому я пытался, насколько это возможно, как можно дольше находиться по эту и с очередной женитьбой не спешил.

Иногда я невольно сравнивал ее с Леночкой, реже — со своей бывшей женой. Было очевидно, что Снежная Королева не предпринимает никаких усилий для сохранения формы и поддержания форм. Как и моя бывшая, для которой лучшим фитнесом всегда был секс — с прелюдией в виде частного танца или стриптиза. Счастливая девичья пора! И никаких тебе изувеченных диет для похудения.

Совсем другая конституция была у моей ласковой телушки. Любая, даже самая крохотная пироженка шла ей на пользу. Словом, разница между ней и Леночкой была такая же, как между эклером и сдобной булочкой. И меня откровенно беспокоило, что с годами эта сдобная булочка неминуемо раздастся в настоящий каравай — вот такой вышины, вот такой ширины! И примеров таких метаморфоз на моей памяти было предостаточно.

Но все это было где-то на периферии моей метушейся в поисках хоть какого-нибудь знака, маячка, таблички с зеленой надписью «выход» души. Что мне делать с моим настоящим,

с этой бессмысленной, замкнутой на самое себя реальностью, которая, как утверждают знающие люди, дана нам в ощущениях?

Проблема состояла в том, что ощущения были так себе...

В такие глухие, обморочные, пронизанные одиночеством вечера я часто задумывался, а не прошел ли я мимо настоящей любви, которую, как теперь казалось, мне посчастливилось испытать несколько лет назад, когда длился мой бракоразводный процесс и я отчаянно соревновался со своей женой в адюльтере.

О, мы были достойными соперниками! Но из той сумбурной поры мне вспоминалась теперь лишь одна из моих случайных подруг — из тех, что дисциплинированно, по первому требованию, как тени исчезали в полдень и, блюдя собственное достоинство, не настаивали на штампе в паспорте. И вспоминалась она не как очередная галочка в донжуановском списке или еще одни женские трусики, забытые на отопительной батарее, а как утрата. Непостижимая, глупая, безвозвратная, до сих пор вызывающая раскаяние и спазмы сердечной боли...

Я называл ее стопроцентной женщиной. И проклятие мое состояло в том, что я был обречен сравнивать с ней всех, кто был у меня до нее и кто был после. Все, абсолютно все проигрывали ей. Черт, как же поздно я это понял...

Тогда же мне казалось, что я стремительно несусь навстречу ослепительному счастью и впереди у меня самая главная встреча в моей жизни с самой прекрасной из женщин. В ожидании этой судьбоносной встречи я даже изволил шутить, спрашивая себя, считается ли изменой измена любовнице с другой любовницей, особенно если учесть, что ты женат?

Дурак, что тут скажешь. Дураком был, дураком и остался. А дурак не ведает своего счастья. Потому что он дурак. Вот и весь сказ.

Я долго не мог запомнить, как ее зовут. То ли Даша, то ли Глаша, то ли наоборот — Анфиса. Оказалось — ни то, ни другое, ни третье. Потому что звали ее исключительно по имени-отчеству — Ксения Эрнестовна. И была она лет на десять старше меня. Но это выяснилось позже.

Ее появления в министерстве я как-то не заметил — она вошла в наш нелепо скроенный, как «Девушка с гитарой» Пикассо, околотворческий коллектив так естественно, что у меня не осталось первого впечатления от знакомства с ней. Скорей всего потому, что она не произвела на меня какого-то особенного впечатления.

Говорят, можно влюбиться с первого взгляда. С ней у меня такого не было. Но точно помню тот момент, когда я влюбился в нее с первого жеста. Она должна была подготовить для меня справку по драмтеатру. Однако не успевала. Я ждал. Потом, потеряв терпение, пошел к ней в кабинет, но встретил ее в коридоре — она торопилась в приемную министра, чтобы отдать какой-то срочный документ. Именно из-за этой срочности у нее не было времени, чтобы заняться моей справкой.

И вот жест. Извиняющийся. На ходу. Чем-то напоминающий плавный, немного скупой, но очень точный взмах рук дирижера, призывающего группу виолончелей убавить звук с мецце-форте до пианиссимо. Жест, означавший: я помню, обязательно сделаю, но по независящим от меня обстоятельствам сейчас не могу. Понимаю, что подвела вас и прошу меня простить.

Я почти физически почувствовал проникновенность этого жеста, его ласковое, деликатное, почти интимное прикосновение к каким-то тайным струнам моей души и словно впервые увидел ее — такой, какая она есть. Этот мимолетный жест открыл мне глаза. И я, как громом пораженный, остановился. Как я прежде не замечал этой чарующей улыбки, которая казалась мне приторно-вежливой, чересчур предупредительной, где-то даже фальшивой, выдающей ее желание произвести хорошее впечатление, чтобы как та гоголевская дама быть приятной во всех отношениях? И если раньше ее привычку часто моргать, глядя в глаза собеседнику, я принимал за нехитрую уловку, позволяющую спрятать взгляд, чтобы никто не мог заподозрить

ее в неискренности, то теперь в моей голове звучали несмолкаемые соловьиные трели, вызванные «трепетом длинных ресниц», и возникали навязчивые ассоциации с Клеопатрой и Таис Афинской.

Я посмотрел ей вслед. И тут же поймал себя на мысли, что сделал это зря. Ее фигура, будто изваянная из плавных порочных линий уже проплыла мимо. Однако она успела оглянуться – быстро, как это умеют делать только женщины, привыкшие к мужскому вниманию, – и перехватила мой взгляд. И я прочитал в ее глазах что-то вроде насмешки, озорного подтрунивания над моей привычкой волочиться за каждой юбкой, понимание того, что ее женские достоинства оценены и оценены весьма высоко. В ту минуту я и сам еще не осознал, что произошло. Но она, конечно, уже прекрасно понимала, что произойдет. Со мной. С ней. С нами. Она легко считывала мои еще непроявившиеся намерения, намерения, о которых я и сам еще не подозревал.

О справке, которая еще пять минут назад выводила меня из равновесия я забыл. Она принесла ее в тот момент, когда я размышлял над тайной ее улыбки. Что было в этой улыбке? Обычная любезность? Желание понравиться? Обманчивое обещание рахат-лукума ее щедрого лона, которое так и останется обещанием, потому что кто ты такой, чтобы на это рассчитывать. Но эта улыбка грела того, кто тешил себя мыслью.

И все-таки мне она казалась немного заискивающей. Улыбаюсь, потому что ожидаю от вас того же. Хочу, чтобы между нами все было ровно, без шероховатостей, на известной дистанции. Но в сущности мне до вас нет никакого дела. Вот так...

Она вошла, протянула справку, еще раз извинилась за задержку и снова, мелко моргая, улыбнулась. И закрыла за собой дверь. А я так и не успел произнести ни слова. Даже спасибо не сказал: сидел взъерошенный, как нахлобученный за украденные сосиски кот, и не реагировал ни на внешние раздражители, ни на световые эффекты.

Да. Иногда улыбка портит красивых женщин. Иногда украшает некрасивых. Большая редкость, когда она делает красивых еще более красивыми. Или вот сестры Сазерленд. Страшные. Но страшно богатые и потому страшно красивые. У нее же, у Ксении Эрнестовны (боже, помоги мне это выговорить), обладательницы волшебного жеста, был баланс. Гармония. Красивая женщина с красивой улыбкой. И потрясающей, очень женственной фигурой, которую я описал бы как песочные часы с существенной разницей амплитуд. А походка? Вслед за жестом я оценил и ее. Она не виляет бедрами, не выпячивает грудь, не отклячивает зад, чем зачастую грешат некоторые фактурные дамы. Ни грана гротеска и пошлости. Она идет, будто венецианская гондола, плавно скользя по водной глади и едва заметно покачивая бортами. Она само воплощение сокровенной мечты – манящей, соблазняющей, ввергающей в отчаяние своей близостью и недосыгаемостью.

Стоит ли добавлять, что в тот день мне было уже не до справки по драмтеатру – я так и не смог заставить себя работать. Все мои мысли и чаяния были об одном — как стать ее гондольером.

С тех пор утекло много воды. А я так и остался лежачим камнем, под который она, то есть вода, не течет. Но ведь для чего-то нужны и они, камни. Например, для точки отсчета системы координат. Или для воспоминаний о любви, унесенной ветром в кусты чертополоха...

На следующее утро я, не заходя в свой кабинет, отправился в приемную, где испытал что-то похожее на эффект дежавю. Колдырь был уже там. Размахивая руками и тряся подбородком, он о чем-то увлеченно вещал.

— У себя? – соблюдая ритуал, спросил я у Леночки, которая, судя по выражению ее лица, только что проглотила противную, скользкую устрицу, не одобренную лимоном.

Она изобразила пантомиму, по-видимому означавшую: ну сколько можно спрашивать одно и то же? Как вы мне все надоели...

Я толкнул дверь.

— Можно?

Лазарь поднял голову, оторвавшись от вороха бумаг – входящих и исходящих, с печатью и без.

— Заходи. Что у тебя?

— Плохо видящий ясновидящий к вашим услугам, — сказал я и шлепнул рукописью по столу.

— Так быстро? И что ты думаешь обо всем этом?

— Честно? Все это с трудом можно натянуть на голову, — небрежно проговорил я. — Что скажут люди, которые реально разбираются в этих вопросах, те же историки, филологи... Да они в порошок сотрут этого Нестордамуса. А наиболее уважаемые, из тех, которых ныне с нами нет, просто перевернутся в гробу...

— За филологов, или как их еще называли во времена Ивана Грозного, феологов, не беспокойся. С ними мы как-нибудь разберемся. С историками посложнее. Но и для них мы найдем аргументы, — сказал он.

— Какие?

— Железные. Убедительные. Неопровержимые. Если вникнуть поглубже...

Эту фразу можно было расценивать как намек. Я действительно не слишком внимательно изучил содержание рукописи, ограничившись лишь знакомством «по диагонали». Но к разговору подготовился.

— Могу привести свои резоны и обоснования, — веско произнес я, демонстрируя свою решимость во всю прыть ринуться в научный диспут.

— Валяй!

— Начнем с самого простого. Что, ваш Нестордамус не знает, что декабрь на Руси это студень, а июль — страдник? Но это, конечно, так, для разогрева. Мелочи по сравнению с тем, что он «предугадал».

— Уже интересно, — улыбнулся Лазарь и занял позу внимательного, заинтересованного слушателя.

— Возражу эху, которое повторяет: аладин, аладин, аладин... Слишком явная аллитерация. Всем известно, что крестоносцев в битве при Хаттине 4 июля 1187 года разгромил этот, как его... — я посмотрел в бумажку, — Аль-Малик ан-Насир Салах ад-Дунийа ва-д-Дин Абуль-Музаффар Юсуф ибн Айюб ибн Шади аль-Курди. Или попросту Саладин. Ты и правда веришь в то, что его имя можно было предсказать почти со стопроцентной точностью? Не говоря уже о том, что Нестордамус «угадал», что главный крестоносец — Ги де Лузиньян будет взят в плен и Иерусалим падет? Не слишком ли много совпадений?

— Согласен. Дальше.

— А история с Анастасией? Она почти целиком списана со сказания о Юрии Рязанском, который послал своего сына, Феодора, с дарами к Батыю. И знаешь, что было потом? Батый узнал о красоте жены Феодоровой, Евпраксии, и захотел увидеть ее. Феодор отказал ему. Тогда Батый велел умертвить его, а Евпраксия, когда узнала о смерти мужа вместе с сыном своим Иоанном бросилась из высокого терема на землю и разбилась. С того времени сие место, как говорится в летописи, в память ее называлось зарезом, или убоем. Еще примеры?

— Да, продолжай.

На лучезарное лицо Лазаря набежала легкая тень.

— Пожалуйста! Кто у нас не боялся ни хищных ятвягов, диких обитателей Подляшья, ни свирепых литовцев? Князь Роман! После побед над ними он впрягал несчастных пленников в соху, как тягловый скот, и обрабатывал с их помощью землю. И до самого XVI века говорили в народе: «Романе! Худым живеши, Литвою орешы». О как.

— Принимается. Что-то еще? – Лазарь окончательно перестал улыбаться. Поправил очки на переносице, как это делал один из неуловимых мстителей, кажется, бывший гимназист Валерка, и как-то скучно посмотрел на меня.

— Меня не убеждают ни вкрапления старославянизмов, ни анафорический повтор соединительного союза «и», ни структура предложений. Лексис, сиречь речения, – мешанина из всех временных слоев. Вывод – очевидная подделка. Причем, невысокого качества. Стилизация. Компиляция. И много других разных умных слов. К тому же заставляет обратить на себя внимание самоплагиат Нестора, или Нестордамуса, называй автора этого опуса как хочешь, когда речь идет об обрах. В предсказании — почти точная цитата из «Повести временных лет».

— На это можно возразить: ну и что, что автор цитирует сам себя?

— Но не слишком ли нарочито такое цитирование? Я бы усомнился, что это сделал Нестор-летописец. И я, конечно, усомнился. Нет, я просто уверен, что мы имеем дело с фальшивкой. Здесь нет предмета для серьезной дискуссии. В общем — полный Мордуляш! Поэтому мой ответ – нет.

Реакция Лазаря была для меня неожиданной. Оценив мой напор и мощь научно-исторического, а также лингвистического анализа, он от души рассмеялся. Потом, вытерев платком самокатную слезу, со вздохом произнес:

— Ладно. Оставим этот вопрос открытым. А рукопись пусть пока побудет у тебя...

Посчитав свою миссию выполненной, я сунул рукопись подмышку (чтоб ее мыши съели!), откланялся и вышел вон, освободив авансцену для других алчущих аудиенции с министром персон.

Пошла шуга, зиме конец.

И под ногами – жидкий холодец... — распинался Колдырь. Лицо его казалось почти черным на фоне окна.

А за окном медленно падал пушистый снег, окрашивая город в унылые грязно-белые тона. Зима здесь встретилась с весной. Но коммунальные службы не дремали: по тротуару отважно сновал крохотный, почти игрушечный тракторишко. С трактористиком в миниатюрной кабинке, на которой было написано: «Есть такая профессия – Родину расчищать!». Небесная канцелярия тоже не отлынивала. По небу плыло облако, похожее на рояль. Его обрамляли облачка поменьше. Они были похожи на подвыпивших лохматых грузчиков. По обочине на электросамокате мчался пилигрим с желтым ящиком на спине, на котором было написано «Индекс». К кошке, которая умывалась лапой возле трамвайной остановки, подкрадывался самого бандитского вида мартовский кот. Жизнь шла своим чередом.

2

Из рукописи Нестордамуса

И послал я другого черноризца Киево-Печерской обители, третьего жребия Богородицы во Вселенной, на восход солнца, в Переяславскую землю, в Ромен, дабы передал он местной братии Повесть временных лет с пророчеством о богохранимом граде Константинополе. И было в том свитке грозное предостережение: «Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и въ Волоса, бога скотья, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем».

Следом по написании сего было мне видение. Постиг я *удручьнѣмъ сѣрдцѣмъ* своим, по обыкновению между сном и явью пребывая, горькую истину, что Царьград падет дважды – пред крестом и пред полумесяцем. Чем я, грешный, мог прикрыть сияние открывшегося мне солнца правды? Во всем мире нет такого полога. И потому удел мой – принять все как есть, доверив увиденное перу и пергаменту.

И так продолжу повесть сию.

Снилось мне, будто я и не я вовсе, а дева красоты неизреченной – стою нагая в княжьем избе среди притязательных старух и боюсь взглянуть на себя, чтобы не увидеть грудь свою налитую под ниспадающим водопадом волос, бедер крутых, коих я счастливая обладательница, и стана девичьего, стройностью своею соперничающего с молодой березкой. Какая-то часть меня еще помнит, что я мужчина, Нестор летописец, и потому слепну я от собственных пагубных прелестей, ибо Соломоном еще сказано: женское прельщение – зло.

Посему повествование сие буду вести уже не от своего имени и не от естества своего, а от имени и естества девицы, в чей образ дьявольскими наущениями обратился. Вокруг меня есть и другие обнаженные красавицы с расписанными лицами, кои тщатся под слоем белил и румян скрыть свою бледность, происходящую от обмирания чувств. Подле них, как уже было сказано, снуют осведомленные весьма бабки, выбирающие лучшую из лучших для княжеских утех и, чем черт не шутит, для удовлетворения потребности государя в рассуждении женитьбы.

И нет никакой возможности перехитрить, *переключать их*, чтобы утаить хоть малейший изъян. Зорко заглядывают они во все отверстия, предусмотренные Создателем в женщине, не упуская ничего, исследую каждый вершок тела и замечая все, даже самую малую родинку. И каждая девица, попавшая на этот срамный смотр, трепещет от одной мысли о том, что пройдя через такие страсти-напасти, избранницей князя вдруг будет не она.

И неведомо мне, пребывающей в смущении, в туманной неге среди алеющих надежд юности моей, что недалек тот день и час, когда стану я девицей смрадной и лицом поганой, коей чрево источает зловоние. Таковой буду и при гробе, испытав все мыслимые соблазны и выпавшие на мою долю скорби, таковой же буду и после смерти, грешницей великой, отлученной от церкви...

Но изложу события привидевшейся мне жизни по ряду, как они происходили, одно за другим.

Из всего сонма осмотренных девиц государю нашему приглянулась я одна — уловленный прелестию женскою, выбрал он меня в жены. Кто-то из приближенных его сказал князю, что я не знатного роду, не из княжен владетельных — мать моя была расстриженной черницей, взятой в жены посевшим в доблести воеводой после смерти жены его. На что государь со смехом возразил:

— Польские королевны выходили за конюхов, а мы что же, супротив пойдем, и нашим безродным за князей не можно?

— Так то *межю чехы и ляхы*, — не унимался все тот же советчик.

— Такова моя воля! — постановил, сурово брови свои воздвигнув, князь. — И у нас бывало подобное. Или забыли, кому было сказано *не хощю розути робичича* и кому Малуша, ключница княгини Ольги, была матерью?

— Как же запомнить! *Володимерь Святъславль, князь великый*, — был ответ.

И приказал государь мой украсить меня великолепно, подготовить брусную избу для гостей и свадебный поезд.

После чего совокупились мы браком с пышностью великою, устроив пир, каких еще не бывало — столы были преизобильно уставлены мясами, дичиною, всеми роскошными яствами и чужеземными винами в ведрах и стопах.

Своего державного жениха в одежде бархатной, обсаженной крупным жемчугом, я толком и не разглядела — боялась поднять на него очи и только рдела, как рябина на раннем морозце.

И лишь после свадьбы поняла я, что не люб мне князь. Целый год мы промыкались, да все без толку. Ждали наследника, уповая на молитву, что отверзает ложесна неплодные, и не дождались. Ночами со слезами молилась я о чадородии, и без услышания.

И тогда наступил предел терпения мужнего — отослал меня князь к отцу, показав беззавора и стеснения, что была я на свадьбе испорчена и всякую ночь вместо любящей жены

находил он на супружеском ложе мертвую царевну. Престарелый мой батюшка, не выдержав такого позора, скончался, и едва я оросила слезами гроб его, как мать моя прокляла меня и вернулась в монастырь. Так осталась я одна.

Но недолго упивалась я своим несчастьем – вскоре пришла настоящая беда. Случился в то время набег степняков, обративший княжьи владения в дымы и пожарища. Наши думали седлами их закидают, да вышло иначе. Князь мой, оставив трапезу и чертоги, взыгравши яко орел в небеса, опалил крылья свои и камнем грянулся оземь. В сии дни всеобщего разорения стали земли наши позорищем неустройства, где повсюду среди глада, язв и брани таилось жало смерти.

И стала я военной добычей нехристя, дикий вид коего ручался за верность его во зле. И во все дни, пока продолжался набег без устали насильничал он надо мной, потворствуя своей неистовой похоти. Вдоволь натешившись, бросил он меня поперек осляти, привязал одного к своему коню и, вскочив верхом, отвез на невольничий рынок.

Долго на том многолюдном бусурманском торжище, где продавались шкуры звериные, всякая домашняя утварь, оружие, скот и рабы (с ними и я, грешная) никто не хотел дать за меня цену, ибо лице мое некогда приятное, красотой не обделенное, обезобразилось, тело от частых ударов плетью покрылось струпиями и язвами, а из одежды на мне были одни лишь лохмотья, едва прикрывавшие наготу.

Но нашелся один купчина из иудеев, почти старик, приехавший из Царьграда, чтобы решить свои дела доходные и подыскать себе рабыню. После затейливого торга дал он за меня пять ромейских солидов.

Так попала я в Новый Рим, в дом богатый, блиставший пышностью, и в скором времени, вернув утраченную красу, стала предметом умиления моего хозяина. Решился он на брак, уже третий по счету, но не для нужды телесной, ибо муж он был ветхий и недужный, а из воспламенившейся было любви ко мне, называемой учеными людьми по имени греческого мудреца Платона.

И тогда блеснула в душе моей надежда, что жизнь еще не кончена и даже на чужбине смогу найти я свое заблудшее счастье. Мужу моему, еще не достигшему глубокой старости, бодрому в духе и пылкому в вожелениях сердца я была нужна как отрада в его преклонных годах, ибо само его присутствие в альковах не делало воздух благоараствореннее, а потому приязнания его были смешны и непристойны.

И грех мне было печаловать: взяв меня рабыней, муж мой возвысил меня до равного с собой положения. Был он ласков, ни в чем мне не отказывал, ладил со мной без иудейской склочности. К тому же не нудил меня к перемене веры с православия на Моисеев закон. И хотя втепору слыла я еретицей, мало воскриляла душу к горнему, редко посещала святые храмы, не чтילה иконы и мощи целебные, было это для меня большим облегчением.

Вместо наставлений, объятий жарких мужних любил он потчевать меня былинками разными или, *възложивши длани на перси моя*, вкушать с моего лона, облитого медом и обсыпанного орехами, нугой и диковинными фруктами, как с трапезного стола.

Говорила я ему: не насыщай сверх меры тела своего, чтобы не стало оно твоим супостатом, беги, как в Библии сказано, греха яко ратника, беги от прелести, яко от лица змиина. Но не мог он сдержаться, чтобы не почревоугодничать и не облобызать каждый мой пальчик. И однажды, хватив лишку, сильно занемог и путем праведным отошел к Господу в добром исповедании. И стала я завидной вдовой со всем богатством, нажитым в разнообразной купеческой торговле, в коей муж мой покойный был зело сведущ. Ни драницы с кровли, ни полушки не досталось его родне – все отдал мне.

И потекли дни спокойные, изобильные, беззаботные, будто в чудесном сне. Я выходила из дома в сопровождении не меньше десятка слуг и охранников. При этом со мной всегда был

раб с зонтом из пальмовых листьев – чтобы защитить меня от палящих лучей солнца, и другой раб с опахалом из павлиньих перьев, дабы избавить меня от жары и создать подобие прохлады.

Я дивно расцвела и теперь многие зрелые мужи, безусые юнцы и даже старцы древние стали заглядываться на меня, когда я показывалась на улице или посещала лавки, где раскладывались драгоценности азиатские для прельщения глаз, и ковры персские, и шелка китайские.

И вот однажды увидела я юношу прекрасного — *лице же его было яко снег, румяно яко маков цвет, власы же его яко злато, очи же его вельми великий яко чашы*. И завлекла его, играючи, как с телком несмышленным, в свои покои, где мы познали все восторги любви. Потом был еще один, и еще. Так открыла я дом свой для блуда и тайных сонмищ сиречь свального греха. Проснувшийся во мне огонь был неистребим – вспыхнув однажды, он пожирал меня с жадностью ехидны.

Чтобы погасить его я решила пойти исповедаться в Софийский храм, где к несчастью своему встретила иеромонаха, русского по роду-племени, статью богатырскою, величественною красотою, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходившего всех виденных мною доселе лиц мужеска пола. Был одет он в клобук с серафимами и крестами обнизными, и от взора его, ясного и грозного, таяла я, как весенняя льдышка на ладони.

И рассказала я ему о себе всю подноготную – от свадьбы с нелюбимым князем до согрешения со своими полюбовниками, назвав себя царьградской блудницей, недостойной благословения.

Выслушал он меня внимательно и сочувственно, и определил такое послушание: на коленах пройти путь от Храма Богородицы Влахернской до Святой Софии. И еще наказал:

— После приходи. Сия пучина благодати потопит грехи твои!

Но не соделала я сие – другая мысль, дерзкая и лукавая овладела мной. Едва не каждую ночь являлся он в моих мечтах и сновидениях — *тельмъ бяше красън, плечи велице, тынък в чресла, очима добраама, в сѣветех мудр, и разумѣн при вѣсемъ, и благодать божия цвѣत्याше на немъ*. И пробуждалась я поутру, пребывая в любовном пламени, как в росе, и не чаяла снова увидеться с ним. Уверила я себя, что понесу от него дитя и тогда проклятие моей неплотности будет снято, и обрету я покой и счастье неизбежное.

И вот однажды призналась я ему, что снедаема любовной горячкой и не чаю дожидаться, когда мы соединимся с ним, как Адам и Ева в раю.

— Отрекся я от человеческой многмятежной воли и умертвил желания свои, — отвечал он сурово и велел мне удалиться с моими прелестями опасными.

Тогда совсем обезумела я и прямо спросила:

— А что под рясой у тебя, черноризец? Взыграет птенец твой, на меня глядячи? Или не любя я тебе?

Долго *сѣдяше он, акы нем*, и вдруг прогремел на весь храм так, что фреска со стен пылью поосыпалась:

— Изыди, сатана!

И померещилось мне, что даже евангелист Марк, изображенный на парусах под куполом храма, обратил на меня в тот миг свой осуждающий взор.

Быстрее ветра бежала я из Святой Софии, преследуемая, как огненным бичом Божиим, громopodobными словесами иеромонаха. И только в стенах своего дома немного размякла и поуспокоилась. Тогда любовь моя еще не обратилась в ненависть, бессилие и злоба не овладели мной совершенно, и не клялась я пред небом, потрясая кулаками и грозя кому-то неведомому, в скорой и неминуемой мести.

Во всем, что произошло потом я винила себя одну. И мне бы остановиться, одуматься, принять как должное мудрость народную, глаголящую, что насильно мил не будешь.

Но нет! Не в моих правилах идти на попятную и отступать от задуманного! Решила я испытать его до конца, взяв свое через соблазн, а если потребуется, то и через принуждение.

Не верила я, что *възлюбивъ чернечьскый образъ*, такую власть обрел он над бесами, что ни во что не ставил их страдания и наваждения. Владела мной слепая уверенность, что когда дойдет до объятий и жгучих ласк не устоит он предо мною, многожды искушенной в искусстве совращения.

И приказала я своим людям выследить его, схватить под покровом ночи в доме его, в храме ли, где застанут и силком доставить ко мне. Немало пришлось потрудиться моим холопам, прежде чем удалось им скрутить иеромонаха. Одному раскровянил он все лицо, другому *сорвал меч с бедра*, третьему переломал кости и, аки разъяренный медведь, чуть не опрокинул повозку, на которую его хотели возложить.

И вот, крепко связанного, привезли его в дом мой, и соделала я с ним, что хотела, убедившись, что корень его не иссох и детородная сила, подавляемая монашескими обетами, не иссякла.

И плакал он, как ребенок, не имея возможности воспротивиться творимому над ним поганству, и шептал молитвы, и каялся пред Господом, что таким путем согрешил с дьяволицей, и повторял, взывая к моему благоразумию:

— Молю тебя, не погуби мзды своей.

Но недолго предавалась я нежностям беззаконной страсти, оставшейся, однако, безответной. Столкнувшись с его упорством диким, предалась я свирепству кровожадной ярости — все по причине той же безответности. В порыве гнева повелела я *обрезати уды тайныя* своему возлюбленному, чтобы ни с кем он не смог возлечь и одарить более своей любовью. И отпустила его восвояси спустя несколько дней, проведенных под присмотром лекаря, и было сказано мне:

— Ад, где твоя победа? Знай же, ношу я на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христов! И не вернусь к прежним грехам, как псы возвращаются на свою блевотину!

И вдруг такой страх обуял меня после этого, что — *ох мне!* — прокляла я все на свете. *К кому прибегну! К кому възърю?* И сердце мое обрывалось, видя, как *несяхуть его на носилех* после мести моей.

Чтобы избежать суда и бесчестия распустила я по городу слух, будто иеромонах этот сам забрался в дом мой, чтобы овладеть мной, но был схвачен рабами моими и оскотен. Но не поверила мне братия: оставив этот случай без огласки, Патриарх царьградский, которому было доложено о сих безобразиях отлучил меня от Церкви. Правду говорят: творящему добрые дела — воздается, от того же, кто не творит их, но мнит себя безгрешным, — отыметсЯ. И уверилась я после этого, что не удастся мне немощно пройти Иордан — поток тления, ожидающий нас на пути в Ханаан небесный.

Кара божья не заставила себя долго ждать, разразившись и надо мной, гулливой, беспокойной вдовушкой, и над всем Царьградом. Землю византийскую взяли на щит крестоносцы — сии иуды, грабители и душегубцы, под видом набожности скрывающие злое корыстолюбие и сердце развратное. *И много зло створише, проливше кровь хрестьяньску, и полониши скоты и кони, и вельблуды и челядь.*

Ища спасения от всеобщего разора, от крестоносного войска, сеющего смерть, бросилась я к Святой Софии, где собрались последние защитники Царьграда. *И бысть видети лом копийный и скрежетание мечное и землю напоиша кровью.*

Каким-то чудом проникла я в храм, где мой иеромонах, отчаянно отбиваясь от нападавших на него латинян воздвизальным крестом, ставшим в его могучей длани ратоборческим, спасал от поругания икону Богородицы Одигитрии. Остальные черноризцы коленопреклоненно молились у алтаря, дрожащими голосами взывая о милосердии.

И только его глас, гремя, как набат под сводами храма, возвышался над слезливым пением покоренной братии. Сражаясь, иеромонах не оставлял проповеди:

— Злочестие высится! Христианство никнет! И в Царьграде, и самом Риме величаем!
И только Русь стоит и века стоять будет!

И многих тогда убил до смерти, орудуя крестом, оскопленный иеромонах, и сам был посечен, и пал, *да сподобит его помазаться елеем радости, приять силу свыше, и венец мученический*. Такие, как он скопцы светлые *в веки живут*, знаменуя торжество небесной любви над земной.

Но недолго скорбела я, окаянная и треклятая, неутешно. Скоро пришел и мой черед, и черед немногих оказавшихся в храме монахинь. Вволю позабавились победители, сотворяя с нами мерзости, о коих даже я, полонянка степняков, слыхом не слыхивала. А натешившись, бросили у алтаря умирать. Таков оказался пришлый крестоносец: и крест на нем, как клеймо разбойника, и молитва его — брань в ушах Господа.

Но смертным ли бояться смерти? Сим юдоль моя не прервалась. Не ведаю я, зажигал ли кто свечи воску ярого в помин моей души, только схоронили меня за оградой как отлученную от Церкви. И от могилы моей исходил *срад зълъи на показание человеком*.

Долго ли, коротко пролежала я под спудом — неизвестно, только случилась новая напасть, о которой узнали и живые, и мертвые. Новая гибель грозила Царьграду — уже измерял его оком как свою добычу бусурманин, явившийся со своим несметным войском из глубины знойных пустынь. Играя со смертью, *весел лицьмь*, повоевал он землю чуждую, где случились до него крестоносцы, коих уже и след простыл вместе с награбленными ими богатствами и христианскими святынями.

И пал Царьград, как колосс на глиняных ногах, под ударами орд агарянских. Пал оттого что каждый думал о частных выгодах, мало заботясь о пользе общей и о том, как ущититься от неверных. Так бывает, когда сильные мира сего, нимало не заботясь о народном благе, торгуют властью, теснят неприятелей личных, похлебствуют родным и друзьям. Так и было — и на беззаконие восстало беззаконие. Другое мы, несчастные, видели у бусурман. Не было среди них ни разгласия, ни безмолвия сомнительного, и потому воцарились они в граде, прежде блиставшим благолепием, а ныне разоренном. И многих меч гонителей пожал на заре, в зените и на закате их жизни.

Со мной же все вышло иначе. Некто, дабы удивить магометан крепостью православной веры, вспомнил о непотребной женщине, бывшей из тех, кто *вина пьюще, блуда творяще*, утверждая, что находящаяся под отлучением церковным, она веками не предаются тлению.

И достали меня из земли, при жизни грешницу *от ложесянъ, заблудишиа от чрева, глаголюща лжю*, и увидели, что изобильна я зловонной плотью, будто на сносях и черна, чернее ночи.

И прочитал надо мной священник разрешительную молитву. И спустя некоторое время обратилась я в прах, чем повергла бусурман в ужас неописуемый.

Отступило время от них: Господь же с нами!

Так и упокоилась я навеки.

Сие открылось по воле Господа нашего в год 6693 (1185) июля 23 дня. И да исполнится по прочтении.

В понедельник утром, когда пробирающий до озноба голос Снежной Королевы в очередной раз повелел, взяв ноги в руки, бежать к министру, мне почему-то вспомнилось нетленное: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»...

Я решительно встал из-за стола, твердым ходульным шагом проследовал по коридору в приемную, в которой почему-то не было Колдыря, и запросто, без ритуальных танцев и лишних церемоний (в глазах Леночки это наверняка выглядело не просто бесцеремонно, а свято-татственно) вошел в кабинет Лазаря.

— Дядя Ваня, у меня к тебе... еще одно поручение, — произнес он после некоторой паузы.

Я натянул на свое лицо выражение крайней заинтересованности. Хотя, откровенно говоря, делать ничего не хотелось: весна, авитаминоз, природная лень...

— Надо сходить на научно-практическую конференцию. Название достаточно туманное, — Лазарь бросил взгляд на буклет, — «Цивилизационный код русского народа: единство в многообразии»...

Это было духоподъемное мероприятие с участием местной епархии и ее иерархов, университетских профессоров, преподавателей истории и литературы, разного рода функционеров и партийных деятелей, пожелавших пропиариться на этой теме.

Минобр арендовал для участников конференции зал в помпезной пятизвездочной гостинице Лотте, построенной к чемпионату мира по футболу, и взял на себя решение всех организационных вопросов.

— Короче, посмотри на это многомудрое толковище. И обрати внимание на доклад Кузнецова.

— Не тот ли это Кузнецов?

— Он самый.

Деваться было некуда. Выходя из кабинета, я зачем-то спросил:

— А где Колдырь?

— А он уже там. Начало в десять, если что.

Леночки в приемной не было. Куда-то отлучилась, а может просто растаяла. На всякий случай – а вдруг! — я поискал глазами лужу, но от Снежной Королевы не осталось даже мокрого места. Потом из любопытства заглянул в ее компьютер. Интересно, что там, какая у нее заставка? Наверное, глыба льда или мамонтенок Дима в вечной мерзлоте. Увиденное заставило меня задуматься: это была репродукция одной из картин Бориса Валеджо с обнаженной красавицей, стоящей на закованной в броню бычьей голове с мощными изогнутыми рогами. Скорей всего, художник попытался запечатлеть иносказательный образ какой-то неземной, вечно погибающей и возрождающейся красоты, и стерегущего ее дьявола — чудища, что обло, озорно, огромно, стоzeвно и лаей. К тому же оно еще и огнедышаще, что для курящего человека — а Леночка была именно таким человеком — вовсе не лишне. Всегда есть от чего прикурить. Не знаю, что понравилось ей в этой картине, но от нее веяло древним, как змий, соблазном, неудовлетворенной и до конца неудовлетворимой страстью, той мучительной раздвоенностью, которая разрывает человека между светом и тьмой. «А девочка не так уж безнадежна, — подумал я. — Если, конечно, она не делает культа из женского тела и не испытывает к нему непреодолимого влечения...» А может тут действовало другое правило, которое я назвал бы синдромом аленького цветочка: чем чудовищнее чудовище, тем оно притягательнее и тем шальнее красавица.

Вскоре мои размышления о Снежной Королеве сменились полнейшим отсутствием мыслей, тем бездумным состоянием, когда ты перестаешь чувствовать границу между собой и окружающим миром и доверчиво впускаешь в себя все, что несется тебе навстречу. И радуешься, просто радуешься тому весеннему сумбуру, в котором смешалось все — звуки, краски, запахи просыпающегося после зимней спячки взъерошенного, в колтунах и проплешинах, недовольно ревущего от слепящих солнечных пятен большого города. И тебя, как в детстве, щекотит и раздраживает на сто чертят летучее предчувствие какого-то близкого чуда, которое непременно произойдет с тобой, если уметь терпеливо ждать и верить в него.

Пиная подтаявшие стекляшки льда и шлепая по лужам, я окружным путем отправился в гостиницу. Времени было еще достаточно, поэтому я решил прогуляться по памятным местам своей бестолковой подростковой поры. Почему именно сейчас? Наверное, потому, что весной мы все в душе подростки.

Когда долго живешь в одном городе он превращается в овеществленную часть твоего утраченного времени, персональный путеводитель по ускользающей меж пальцев жизни, где на каждом углу тебя подстерегает какое-нибудь воспоминание. Вот музыкалка, где меня пытали этюдами Черни. Вот художка, где мне твердили, что Матисс и Ван Гог – великие художники. А я не верил и все никак не мог уразуметь, почему «Джоконда» Леонардо да Винчи вызывает большее восхищение, чем «Незнакомка» Крамского. Вот бассейн, где из меня несколько лет делали человека-амфибию и это им почти удалось... Теперь я хожу в него не чаще, чем раз в неделю, чтобы проверить, как ведет себя тело, погруженное в жидкость. Потом пересекаю дорогу, заглядываю в пивной бар и наблюдаю за тем, как ведет себя жидкость, погруженная в тело.

А вот и храм. Раньше его не было, он выбивался из общей картины моего детства. Никак не могу понять, что в нем не так, хотя все вроде бы так, как надо. Может быть, меня смущает его чересчур молодежавый облик? Я не доверяю недавно отстроенным церквям и часовенкам, которые в последние годы вырастают тут и там, как грибы после дождя. Храм должен выглядеть чуть отрешенным, уставшим от мирской суеты, потускневшим от времени, а не как только что отчеканенный серебряный рубль. Каждый день я внимательно, будто пытаюсь найти какое-нибудь архитектурное увечье, смотрю на него, когда прохожу мимо. Ключевое слово здесь – мимо. Может быть, когда-нибудь я в него зайду...

Немного утомившись от экскурсов в прошлое (если я и испытывал по нему ностальгию, то к этому чувству примешивалось запоздалое сожаление о том, что мне как мальчику из приличной семьи так и не довелось поджигать в классе дымовуху, прыгать из окон второго этажа и участвовать в драках стенка на стенку), я побрел к пятизвездочной громадине отеля, высившегося на фоне акварельно-голубого, почти белесого неба.

Роскошный фасад отеля имел праздничный вид, но отсылал наблюдателя к временам, когда желтый цвет ассоциировался с домом призрения для умалишённых. Мне гостиничный фас напоминал многослойный торт наполеон с вкраплениями стрельчатых окон, арок, колонн, фронтонов и пилястр. Или имплант, зачем-то вставленный в историческую часть города и больше похожий на сточенный слоновий бивень.

Я помню, сколько было шума вокруг его строительства. Предполагалось, что он будет до отказа забит буржуинами, богатейшими людьми планеты – владельцами медиа-империй, супер-яхт и личных авиалайнеров. Но по вечерам в нем горели два-три окна. Наверное, какие-то командированные кипятили там чай и пили кизлярский коньяк, прикидывая, как выгоднее продать партию китайских термосов и тепловых пушек. В общем, на память о прошедшем чемпионате, на который съехались кудесники мяча со всего мира наш областной центр получил вполне приличный стадион и надгробный памятник футбольному мундиалю – Lotte Hotel 5. Радует только одно – после нас, как после Древнего Рима, хоть что-то останется. Потомки будут судить о нашей жизни по величественным руинам спортивных коллизеев и безвкусным парфенонам фешенебельных гостиниц.

«Да, гранд-хотел. А чего хотел гранд, об этом история умалчивает...» — рассеянно думал я, с некоторой опаской входя под своды этого пятизвездочного монстра. У меня не было уверенности, что по пути в конференц-зал меня не остановит какой-нибудь холеный стюард или на мою голову не опустится шлагбаум.

— Вы участник конференции? — спросил у входа охранник.

— Конечно, — утробно и с некоторым высокомерием произнес я, давая понять, что как чиновник я не чужд чиновничьего чванства.

Колдыря в зале не было. «Наверное, разминается в буфете», — предположил я и сел на свободное кресло в предпоследнем ряду. Я человек арьергарда. В бой не рвусь, но в случае крайней необходимости — вступаю.

Не знаю, кто о чем думает во время докладов на конференциях, а я думал о ней, о моей давней, саднящей, как глубокий, незаживающий порез, глупо провороненной любви – Ксении. Вполне может быть, что в этой самой точке пространства, в которой я сейчас находился мы много лет назад предавались безумствам любви... Как это возможно? Все очень просто: Lotte Hotel 5 был построен на месте снесенного двухэтажного дома, в котором я когда-то снимал квартиру. И куда водил всех своих одалисков.

Это случилось через несколько дней после новогоднего корпоратива. Сам корпоратив прошел штатно, до разврата дело не дошло, хотя пьяные женщины пытались приставать к единственному в нашем министерстве неженатому мужчине и делать ему непристойные предложения. Я все время забывал фамилию этого существа и потому называл его коротко – Оно.

Это была натура ранимая, утонченная, неопределенной, как туманность Андромеды, ориентации. Весь вечер Оно как могло отбивалось от наседавших на него подвыпивших дам. Очевидно, они заключили пари, кто первой затащит его в постель. В общем, Оно вело себя так, будто кто-то собирался пуститься за ним в погоню, чтобы снять с него стринги и надеть хоккейные трусы.

Такое Оно есть, наверное, в каждом министерстве. Это такое существо без пола, которое одинаково хорошо вписывается как в мужскую компанию, так и в женскую, причем в мужской Оно скорее женщина, а в женской скорее мужчина. Этакий современный западноевропейский тип, эталон унисекса. Еще не трансгендер, но уже и не терминатор. Мне интересно было наблюдать за ним. Взглянуть на овеванный голубым сиянием окружающий мир и на богатство происхождения видов его глазами.

Но моя толерантность была подвергнута серьезной проверке, когда Оно решило пригласить Ксению на медленный танец. Этого я допустить, конечно, не мог; мне почему-то не хотелось, чтобы Оно прикасалось к ней. В итоге, я оттер конкурента плечом и вывел Ксению в освещенный круг.

О, мне навсегда запомнилась эта пьянящая близость, этот головокружительный, с нотой легкой горечи, запах ее духов... К тому времени ее окружала аура роковой женщины. Всему виной один случай: когда в кабинете, где она работала меняли перегоревшие лампочки, электрик, засмотревшись на ее скрещенные ноги в тугой юбке чуть выше колена, упал со стремянки и получил перелом руки.

В ней не было ничего, что отличало бы ее от других женщин. И было все. И что-то еще. И это что-то, как мартеновская печь, размягчало волю и плавило сталь мужских сердец. В ее ласковые сети не шла какая-нибудь мелочь. Только трофейные экземпляры – высокопоставленные киты, фонтаны из которых бьют до самого неба, а удар хвоста способен поднять цунами. Это были акулы бизнеса, вип-чиновники, матерые худруки и режиссеры; их тормозной путь сокращался до минимума, когда на их пути возникала она. В этой компании я чувствовал себя бутылконосым дельфином, чей удел – гонять по бухте стаи пеленгасов.

Я не верил, что она примет мое предложение встретиться где бы то ни было. Я не верил, что она согласится прийти ко мне в гости. Я не верил в это даже тогда, когда она уже пришла. Я ничему не верил. Мне казалось, что этого просто не может быть. «Ваше величество женщина, как вы решились сюда?» И двуспальная кровать, как рояль в кустах. Очень, надо сказать, плохо замаскированный рояль, с головой выдающий намерения пианиста...

Мы выпили немного вина. Поговорили о каких-то пустяках. Я небольшой мастер разговорного жанра и когда начинаю свой монолог часто теряю мысль и путаюсь в словах. В голове сразу возникает Чапаев и пустота. Причем в большей степени пустота, чем Чапаев. Поэтому мне легче изложить суть того, что я хочу сказать на бумаге. Но общение через записки исключалось и потому в тот вечер я побил все мыслимые рекорды, став абсолютным чемпионом по косноязычию. И уже смирился со своим поражением, уже видел ее уходящей из этого убогого вертепа, называемого моей съемной квартирой, и себя, зарывшегося лицом в подушку с давно

не стиральной наволочкой. Но мои руки оказались умнее меня. Они знали, что делать. И ее джинсовый костюм, застегнутый на все кнопки, молнии и пуговицы, не стал для них препятствием. Она не сопротивлялась, как будто все давно уже про нас знала и охотно отзывалась на мои прикосновения. Ее встречные движения и ласки были смелы и выходили далеко за границы моего опыта.

Как описать то, что произошло со мной в последующие два часа? И что творится со временем, когда в твоих объятиях *такая женщина*?

Ошарашенный столь легкой победой, я тогда еще подумал: что за миг! Где я? И я ли это? Или меня уже нет? Тогда я и предположить не мог, что эта внезапно вспыхнувшая, как пороховая дорожка, влюбленность выльется в глубокое искреннее чувство, которое впоследствии оберется тяжелой, почти наркотической зависимостью. Зависимостью от ее жгучих объятий, учащенного дыхания и легкой испарины на спине, от ее профиля на голой простыне.

Даже когда все уже случилось – в самый первый раз – я никак не мог совместить все, что с нами произошло с реальностью. Мне снова не верилось, что эта нежная налитость бедер, с которыми хочется слиться, эта невинно нагая, будто лунная поверхность, грудь, которую чем больше целуешь, тем больше оплываешь и тем вернее опадаешь к устью, где под лепестками коралловых роз тлеет первобытный огонь, в котором нет никакой тайны, но есть магическая, порабощающая сила – все это для меня, меня одного. Чем я мог ее покорить? Мне снова и снова не верилось, что она не притворяется, не играет в какую-то неведомую мне игру, что я – тот, кто ей нужен...

Кровать стояла слишком близко к стенке. Поэтому от нарастающего стука сотрясался весь дом – от кирпичного основания до деревянного верха. На первом этаже жили две шизофренички, мать и дочь, которым вдруг показалось, что наверху кого-то жестоко насилуют. Им почему-то не приходило в голову, что женское счастье бывает кричащим и что изнасилование может быть обоюдным, по взаимному согласию. И что мужчина может сорок лет плутать по телу своей возлюбленной, как Моисей, иудейский Сусанин, по знойной пустыне в поисках земли обетованной, и не охладеть. Поэтому они посчитали своим гражданским долгом вызвать милицию. Наряд прибыл довольно быстро. Грохот наполовину сломанной кровати сменился настойчивыми и очень убедительными ударами в дверь. Мы наскоро набросили на себя какие-то тряпки, разбросанные по полу, и я впустил в квартиру двух милиционеров. Одного взгляда им было достаточно, чтобы понять: вызов ложный. И в этом доме живет любовь, о которой можно только грезить. Извинившись за вторжение, они ушли. Несмотря на бурные протесты шизофреничек...

Вспоминая об этом, я часто спрашивал себя, не приснилось ли мне все это? Новогодний корпоратив, Ксения, наши быстротечные встречи... Всеми виной, как мне теперь кажется, один, всего один нескончаемо долгий поцелуй. В тот момент, когда наши расплавленные уста сомкнулись, спаянные этим поцелуем, произошло неизбежное — слились в одно наши тела и души...

От этих мучительно-сладостных воспоминаний меня отвлек резкий, довольно неприятный, но заставлявший к себе прислушиваться голос очередного оратора. Оказывается, я был все там же, в гранд-отеле, на конференции.

Докладчик выглядел слегка невменяемым и немного, совсем чуть-чуть сумасшедшим. Или мне одному так показалось? Его бородка клинышком, настырные глаза, увеличенные очки с большими диоптриями, полубредовые речи напоминали мне Эдуарда Лимонова в период завершения его писательской карьеры и начала политической деятельности под знаменем национал-большевизма. В общем, типичный бунтарь-одиночка, уверовавший в то, что он открыл миру новую истину.

— Человек, – утверждал он, – единственное из известных нам животных, которому известно, что оно обладает бессмертием, но ведет себя так, будто не знает об этом. Мы прила-

гаем чудовищные усилия к тому, чтобы потерять великий дар вечной жизни. И призыв Христа — будьте как дети — обращает нас именно к этой стороне человеческого существования. Ведь только дети обладают знанием, что они никогда не умрут. Итак, вспомните, что вы бессмертны, но не забывайте о том, что является условием бессмертия. А это вера и жизнь по заповедям. Скуотица? Ну да. Ничего нового. Но тем не менее я попытаюсь это проиллюстрировать. Это то, с чем мне пришлось столкнуться лично...

Говорил он торопливо, почти скороговоркой, словно опасаясь, что его освистают и сгонят с трибуны. Вероятно, такая опасность действительно существовала. Его ломаная жестикуляция наводила на мысль, что он боится обжечься обо что-то невидимое и крайне опасное, что, как шаровая молния, присутствовало в наэлектризованном воздухе конференц-зала.

После краткой преламбулы он рассказал одну удивительную историю, которую условно можно было назвать легендой о шести монахах.

На самом деле их было семь...

Все началось после распада Советского Союза. Именно в те годы история превратилась в самую точную науку после астрологии и хиромантии: неожиданно обнаружилось, что мы — страна с непредсказуемым прошлым. Во время учебы на истфаке докладчик, а это, судя по всему, и был кандидат исторических наук Н.А.Кузнецов, проходил археологическую практику в Новгородской области. Пытливому студенту очень хотелось сотворить какую-нибудь научную сенсацию — найти ранее не известную берестяную грамоту, особо ценный черепок или хотя бы ржавый наконечник копья, принадлежавшего новгородскому князю. Но раскопки не увенчались успехом. Тогда он решил пойти другим путем — отправился в библиотеку при Софийском кафедральном соборе, надеясь хоть там найти какую-нибудь зацепку, которая поможет ему раскрыть неразведанные тайны культурного слоя Новгорода Великого. Надышавшись пылью веков, Н.А.Кузнецов, тогда еще просто Коля, прямо спросил библиотекаря, послушницу средних лет, нет ли в библиотечном фонде чего-нибудь такого, что выглядело бы странным, необычным, выходящим за рамки привычного взгляда на историю Руси.

— Был один свиток где-то на полатах, — после некоторых раздумий сказала она. И принесла ему тетрадь, исписанную крупным детским почерком с кучей орфографических ошибок.

— Что это? — не понял Кузнецов.

— Пророчества.

— Чьи?

— Их оставил в 1959 году, когда Новгороду было 1100 лет, один монах. Он работал здесь же, в библиотеке. Недолго. Его знала моя матушка, ставшая библиотекарем после того, как он исчез.

— Исчез?

— Да, как и те монахи, которые были здесь на Пасху. Как появились и куда потом пропали — никому не ведомо.

Студент-практикант, конечно, заинтересовался этой историей. И с разрешения библиотекаря сделал фотокопию тетради. Прочитав ее, он пришел к выводу, что преподобный Нестор, якобы описавший в ней свои видения и дополнивший ими «Повесть временных лет», не имел к ним никакого отношения, хотя и сподобился от Господа даров пророчества по молитве. Кому на самом деле они принадлежали, каким образом дошли до нас и как с ними связана легенда о шести монахах оставалось тайной за семью печатями.

В поисках ответа на эти вопросы неутомимый студент провел собственное расследование. Оказалось, единственным человеком, который знал библиотекаря и своими глазами видел шестерых монахов была мать послушницы, старушка далеко за восемьдесят. Кузнецов наведался к ней в сопровождении дочери (уговорить ее нанести визит матери была задача не из легких, но ему это удалось) и узнал много любопытного. Эта сказительница, наделенная недюжинной фантазией, на полном серьезе утверждала, что библиотекарь был неизвестным свя-

тым, а навещавшие его монахи – братьями Киево-Печерской лавры. Никто не знал, как он устроился на работу и каким образом уволился – никаких подтверждающих записей обнаружить не удалось. Библиотекарствовал он всего три дня. То же самое можно сказать и о шести монахах, которые без сна и отдыха отстояли в храме все службы с чистого четверга до самой Пасхи. Если кто-то из них уставал, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение или, удалившись в укромный уголок, читал псалтырь, пользуясь светом собственных рук. При этом, по словам загадочного библиотекаря, они до мелочей знали, «како пети пенья манастирская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный», однако на свой, старинный манер – так, словно они явились из какого-то другого, архаичного века. Речь библиотекаря, как следовало из приведенного фрагмента, была подчеркнута стилизована под древнерусский язык, что воспринималось окружающими как блажь старика, не вызывавшая, впрочем, отторжения у братьев и паломников.

Между собой монахи не разговаривали, все делали молча, а пели и читали молитвы такими далекими, неземными, ангельскими голосами, что казалось, будто льются эти голоса прямо с небес. Единственный, кто общался с одним из них был продавец икон, утверждавший, будто расплатиться за копию Владимирской Божьей Матери тот хотел кунными мордками, да еще сомневался, не мало ли дал. Потом спросил: может, добавить еще с пяток лобцов? А когда продавец объяснил ему, какие он принимает деньги странный покупатель долго разглядывал лежавшие в картонной коробке бумажные купюры. Ему было предложено расплатиться по карте, но он никак не мог взять в толк, как это могут существовать воздушные, как дымом писанные деньги, не подкрепленные, к примеру, белыми лоскутками?

Студент-практикант не мог пройти мимо такого поразительного анахронизма, поскольку мордка, насколько ему было известно из курса истории древней Руси, была единицей денежной системы в Новгороде вплоть до начала XV века, когда началась чеканка серебряных монет, пришедших на смену меховым деньгам.

Дальше начались и вовсе необъяснимые вещи. Фотокорреспондент областной газеты, попытавшийся запечатлеть пасхальное бдение, при проявлении снимков обнаружил, что вместо монахов на них зияют столбы света. Причем, таким браком были отмечены все фотографии. Интуиция подсказывала ему, что дело тут не в засвеченной пленке, а в каком-то сверхъестественном явлении, имеющем религиозный смысл. Не понимая, что происходит, он поделился своим открытием с другом-иконописцем. «Это знамение», — решил художник и втайне от монахов сделал карандашный набросок их ликов, святозарностью своей соперничавших с лампадами, присовокупив к ним портрет библиотекаря.

Эти рисунки и предъявила дотошному студенту матушка послушницы в качестве доказательства того, что она не совсем еще сбрендилась, пересказывая легенду об удивительных богомольцах.

Кузнецов перефотографировал их и на досуге внимательно, во всех подробностях рассмотрел. Лицо библиотекаря показалось ему смутно знакомым. Где он мог его видеть? И только ночью его вдруг осенило: да это же вылитый Нестор, чей портрет был восстановлен методом Герасимова по черепу преподобного! В каждом учебнике истории есть такой.

Он нашел изображение летописца в интернете, распечатал его на принтере и показал старушке.

— Это он, — сказала она, надев очки, отчего глаза ее сразу стали базедово-выпуклыми, как у Надежды Константиновны.

— Вы уверены?

— Молодой человек, я еще из ума не выжила. Или у вас есть какие-то сомнения на мой счет?

Внешнее сходство Нестора и библиотекаря было настолько очевидным, что Кузнецов ни на минуту не усомнился в когнитивных способностях старушки. Теперь легенда о шести монахах, предводительствуемых автором Начальной летописи, приобретала некоторую логическую стройность и почти зримый облик.

Был еще один штрих, на который студент-практикант обратил внимание. Нестор, если, конечно, это был он, как-то обратился к юной библиотекарше со странной просьбой – по возможности, не дотрагиваться до него. Тогда это показалось ей обычной старческой причудой. Еще чего, больно надо ей к нему прикасаться. Но потом она наткнулась на место в святом благовествовании от Иоанна, в котором Иисус, обращаясь к Марии, говорит ей: «не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему». Ей хотелось спросить у библиотекаря, случайно ли его просьба загадочным образом перекликается со словами из Евангелия или за этим что-то стоит? Но спрашивать было уже некого. К этому времени библиотекарь исчез. Никто не знал, куда он подевался — в библиотеке его не было, в храме тоже, в доме паломников он не появлялся. А в трапезной его никогда и не видели.

Все это наводило на мысль о существовании людей, преодолевших притяжение «здесь» и разбивших проклятие «сейчас», способных находиться везде и нигде во всегда и никогда, умеющих перебирать мгновения, как четки. И библиотекарь, кажется, был одним из них. Как и шесть сопровождавших его появление в Новгородском кремле монахов.

Так родилась гипотеза о «вратах времени», которые, по мнению Н.А.Кузнецова, открываются бдением, молитвой и праведностью. Важно, кто, когда, где и чего ради обращается к Богу.

— Именно этот тезис я и пытался проиллюстрировать своим выступлением, — закончил докладчик. — При этом я не ставил своей задачей идентифицировать автора пророчеств с Нестором. Это тема дискуссионная, нуждающаяся в дополнительной проработке. Если есть вопросы, я готов на них ответить.

Вопросов не было. Очевидно, фуршет, организованный для участников конференции, интересовал их несравненно больше, чем проблема бессмертия или поиск цивилизационного кода русского народа.

Я заглянул в буфет, где Колдырь, как факир, укрощал зеленого змия и шумной гурьбой, будто престарелые детсадовцы, толкались ученые мужи, и вышел из отеля.

Солнце замело тучами. Его рассеянный свет уже не слепил глаза, отчего казалось, что весна, в очередной раз оказавшись ветреной обманщицей, подалась в более теплые края. Прогрохотал трамвай и тут же мелькнула мысль: а что если?

Что если и мне предстоит погибнуть под его колесами, как это случилось с сорвавшимся с подножки Мамонтом Дальским, спешившим к Шаляпину в далеком 1918 году? Я часто примеряю на себя такие ситуации. Может быть, это необходимо мне для того, чтобы ощутить утраченный вкус жизни? Задуматься над ее вечно ускользающим смыслом? Не знаю...

Мимо, пристально на меня взглянув (человек, выходящий из пятизвездочного отеля невольно вызывает интерес) прошла очень привлекательная девушка с тщательно прорисованным лицом и маникюром, не уступавшим палехской росписи. Я машинально двинулся за ней, а когда поравнялся — спросил:

— Добрый день, вы бывали в Баварии? В замке Нойншвайнштайн?

— Нет, — с готовностью ответила она низким хрипловатым голосом, будто я был магом, приглашавшим ее сию минуту посетить это замечательное место. За свой счет.

— К свиньям он не имеет никакого отношения, — продолжал я свою старую домашнюю заготовку, поскольку импровизировать было рискованно. — В переводе его название означает «Лебединый утес». Говорят, архитектура Нойншвайнштайна, виды Нойншвайнштайна, история Нойншвайнштайна, нойншвайнштайские лебеди вдохновили Чайковского на написание «Лебединого озера», а Вагнер под впечатлением увиденного создал оперу «Парсифаль»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.